

ВТОРАЯ МИРОВАЯ

ВОЙНА НА СУШЕ

ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ ВЕРМАХТА

Сборник

**Вторая мировая война на
суше. Причины поражения
сухопутных войск Германии**

«Центрполиграф»

2009

Сборник

Вторая мировая война на суше. Причины поражения сухопутных войск Германии / Сборник — «Центрполиграф», 2009

Перед вами уникальный очерк истории Второй мировой войны, подготовленный непосредственными участниками событий – старшими офицерами и генералами германского вермахта. В данном издании подробно освещены Польская, Норвежская и другие важнейшие кампании германской армии, война с Советским Союзом, представлен полный профессиональный анализ причин и следствий неудач сухопутных войск, подробно рассмотрены вооружение и личный состав армий, структура командования вермахта. Ход войны описан людьми, занимавшими ответственные посты и знакомыми со многими закулисными проблемами, которые не отражались в официальных отчетах и о которых можно было только догадываться. Книга снабжена комментариями, позволяющими объективно оценить события, наглядными схемами и картами.

© Сборник, 2009

© Центрполиграф, 2009

Содержание

От издательства	5
Введение	7
Что привело ко второй мировой войне	11
Германская армия	16
Структура командования вермахта во второй мировой войне	18
Польская кампания	21
Структура и развертывание польской армии	23
Норвежская кампания	28
Военная предыстория кампании	28
Военные задачи и постановка целей	29
Ведение кампании	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Вторая мировая война на суше. Причины поражения сухопутных войск Германии

От издательства

Предлагаемый читателям уникальный стратегический очерк из истории Второй мировой войны особенно ценен тем, что подготовлен непосредственными участниками событий – старшими офицерами и генералами германского вермахта. Среди авторов – ведущие представители генералитета: командующие рядом групп армий, оперативные работники фронтового уровня, руководители родов и видов войск.

Впервые книга увидела свет в начале 1950-х гг. в Штутгарте, когда для Западной Германии настал период интенсивного осмысления причин и последствий национальной трагедии, постигшей немецкий народ. Издавались десятки книг по истории Второй мировой войны в целом и отдельных ее аспектов. Первыми историографами Второй мировой войны в значительной мере стали бывшие генералы и офицеры вермахта. Тем более что профессиональное немецкое историческое сообщество было дискредитировано сотрудничеством с нацистскими властями и после войны отстранено (по крайней мере, на первое время) от науки и преподавания. Катализатором творческой активности бывших немецких военных в немалой степени послужило военное руководство США, имевшее в анализе прошедшей войны свой интерес, ведь не успела завершиться Вторая мировая война, как началась новая, холодная война, грозящая в любой момент перерасти в самую горячую – все уничтожающую ядерную.

Поэтому, не тратя времени на справедливое «возмездие» военным преступникам, союзное командование сосредоточило до 150 наиболее квалифицированных плененных высших офицеров германского Генерального штаба в нескольких лагерях на территории Западной Германии и поручило им приступить к описанию боевых действий вермахта во Второй мировой войне¹. Среди них были, например, три бывших начальника Генерального штаба сухопутных сил – В. Гальдер, К. Цейцлер и Г. Гудериан, заместитель начальника Генштаба Г. Блюментрит, начальник оперативного отдела Генштаба А. Хойзингер, начальник штаба ВВС В. Крейпе, генералы Э. Бутлар, В. Варлимонт, З. Вестфаль, Х. Мантейфель, Б. Циммерман, адмирал В. Маршалль и др. Общее руководство этой деятельностью было возложено на Исторический отдел главного командования американских вооруженных сил в Европе генерала С.Л.А. Маршалла, сформулировавшего задачу своего предприятия недвусмысленно: «извлечь пользу из неудачного опыта других»².

В течение 1946–1948 гг. бывшие генералы вермахта описывали и анализировали ход событий прошедшей войны. Всем им была предоставлена возможность пользоваться документами Генштаба, собственными записями и дневниками, кроме того, они могли уточнять вопросы при взаимном общении. Следует напомнить, что большая часть архивов вооруженных сил Германии, министерства иностранных дел, нацистской партии, разведки и видных генералов была захвачена армиями западных союзников (лишь с середины 1950-х гг. они стали передаваться в архивы ФРГ и постепенно рассекречиваться).

Лишь некоторые вышедшие из-под пера немецких военных труды попали в открытую печать. Значительная часть аналитического материала была засекречена и опубликована только спустя несколько десятилетий.

---

¹ Подробнее см.: Мерцалов А.Н. Западногерманская буржуазная историография Второй мировой войны. М., 1978. С. 20–22; Ржевский О.А. Война и история. М., 1976. С. 37.

² Роковые решения. М., 1958. С. 26.

Большинству из перечисленных выше генералов сроки заключения были сокращены до минимума. Уже в конце 1940-х гг. многие из них оказались на свободе и с согласия американских властей приступили к публикации результатов своих изысканий.

В нашей стране книга имела сложную историю. В короткую хрущевскую «оттепель» в числе нескольких других работ бывших генералов вермахта³, а также английских и американских военных историков и теоретиков⁴ она была переведена и опубликована на русском языке. Книга даже поступила в свободную продажу, но ненадолго. Вскоре была запрещена к продаже и помещена в спецхраны библиотек.

Причиной запрета стало не столько то, что ее авторами были «битые», как тогда говорили, генералы вермахта, сколько оценки ряда событий, которые они предлагали. Так, авторы книги недвусмысленно намекали на то, что расстрел польских офицеров под Катынью был осуществлен не немцами; о том, что на стороне Германии выступило значительное количество народов СССР: украинцы, казахи, прибалты; о том, что действия советского командования далеко не всегда были верными. При этом нельзя не отметить, что, по мнению немецких генералов, «солдатские качества русского воина, особенно его дисциплина, способность действовать, не обращая внимания на огонь противника и собственные потери, его стойкость в перенесении лишений и тягот войны, были, вне всякого сомнения, очень высокими».

Важно подчеркнуть, что книге присущ ряд родовых черт западногерманской историографии. Среди них – возложение вины за военные поражения на стратегическую неадекватность и военный непрофессионализм Гитлера. Концепция «неразрешимых противоречий» и «разрушения доверия» между германским Генеральным штабом и политическим руководством страны стала общим местом в «генеральской» историографии⁵.

В книге уделено непропорционально малое внимание советско-германскому фронту, хотя авторы книги признают, что «данная война вообще не могла закончиться победой Германии! Она была не по плечу немецкому народу!». В связи с этим необходимо напомнить общеизвестные факты, например о том, что советской стороне в разные периоды войны противостояло от 190 до 266 дивизий противника, а союзным войскам на всех фронтах Второй мировой войны – от 56 до 75 дивизий; что в ходе боевых действий советские войска разгромили 607, а союзные – 176 дивизий противника, причем 80 процентов потерь немецко-фашистская сторона понесла именно на советско-германском фронте.

История всегда была средством не только познания, но и борьбы, что обусловлено взаимосвязью событий прошлого, настоящего и будущего. Историческая наука развивается в определенных социально-политических рамках. И закономерно, что исторические концепции отражают господствующие в каждом конкретном обществе политические взгляды.

В целом этот исторический труд – профессиональный и достаточно полный анализ истории Второй мировой войны. В данном издании представлены материалы, касающиеся военных действий на суше. Книга снабжена комментариями, позволяющими объективно оценить события, наглядными схемами, картами и редкими фотографиями.

---

³ Тудериан Т. Воспоминания солдата. М., 1954; Типпельскирх К. История Второй мировой войны. М., 1956; Итоги Второй мировой войны. М., 1957; Манштейн Э. Утраченные победы. М., 1957; Мировая война. 1939–1945 годы. М. 1957; Миллентин Ф. Танковая война 1939–1945 гг. М., 1957; Роковые решения. М., 1958; Гоголь Р., Польш Г. Одер – Нейсе. М., 1960 и др.

⁴ Фуллер Дж. Ф.С. Вторая мировая война. М., 1956; Лиддел Гарт Б.Х. Стратегия непрямого действия. М., 1957; Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. М., 1958 и др.

⁵ Подробнее см.: Мерцалов А.Н. Указ. соч. С. 42–43.

Введение

Данная книга возвращает читателей к событиям Второй мировой войны, величайшей в истории человечества. Ее исключительное место обусловлено обширностью охваченных ею территорий, напряженностью военных действий, масштабами вовлечения в них не только вооруженных сил, но и гражданского населения.

Политические и психологические корни Второй мировой войны лежат в диктате Версаля (Версальский договор, подписанный 28 июня 1919 г., завершивший Первую мировую войну 1914–1918 гг. Подписан США, Британской империей, Францией и Японией и объединившимися с ними 22 странами, с одной стороны, и капитулировавшей Германией – с другой. – *Ред.*). Из хаоса, оставленного Первой мировой войной, этот договор не мог создать настоящий новый европейский порядок и принести справедливый мир, ибо основывался исключительно на позиции силы и экономическом эгоизме победителей. Версальский договор отказывал побежденной Германии в признании ее национального достоинства, уязвлял самолюбие немцев, отнимал у них важные жизненные позиции и вызывал убеждение, что созданное положение не может быть прочным.

Версаль создавал в центре Европы свободное от силы пространство (т. е. Германию), в окружении до зубов вооруженных государств, которые свое обещание также разоружиться не сдержали.

Якоб Буркхардт (1918–1987, швейцарский историк и философ культуры. – *Ред.*) в своих «Размышлениях о всемирной истории» справедливо отметил, что важнейшие материальные и духовные ценности нации развиваются только тогда, когда их существование гарантировано силой. Только сила защищает большой народ, его духовную, политическую, экономическую и социальную жизнь от несправедливости, алчности и зависти других. В свободном от силы пространстве гибнет свобода. Это в полной мере ощутили немцы после Первой мировой войны.

Осознание бессилия может породить у многих людей гнетущий пессимизм, который неизбежно наложит свой отпечаток на их жизнь и работу. В то же время стремление к силе, свойственное человеческой природе вообще, никогда не проявляется с большей силой, чем в состоянии бессилия. Осознание бессилия многократно усиливает это стремление, особенно когда речь идет о восстановлении утраченной силы. Стремление становится еще больше, если сила считается предпосылкой свободы. Эти факты объясняют многие политические и психологические причины, приведшие ко Второй мировой войне.

Вторая мировая война была для германского государства войной на два фронта. В сентябре 1939 года образовался Западный фронт. Он сохранился до самого конца войны – тут Гитлер, отказавшись от намерения высадиться в Англии, совершил первую решающую ошибку. А в дальнейшем германское политическое руководство так и не сумело удержать Соединенные Штаты от вступления в войну.

Положение на Западном фронте обострялось дважды: во время кампании 1940 года и после высадки союзников в Нормандии в 1944 году. Однако этот фронт существовал постоянно и в той или иной степени оказывал влияние на политическое и военное руководство рейха.

С началом войны против России возник второй фронт – Восточный. Роковая недооценка военного потенциала Советского Союза и несвоевременная мобилизация всех сил заставили Германию вести здесь сражения гигантских масштабов без перспективы достижения решающей победы. Используемые ею силы (людские и материальные) оказались по численности и объемам недостаточными. С начала 1943 года это оказывало ограничивающее влияние на военные действия на Востоке и во многом определило исход сражений.

Западный фронт с точки зрения военных операций на суше на протяжении большей части войны был действующим фронтом; с точки зрения войны на море – базой подводной

войны; с точки зрения войны в воздухе – военно-воздушной базой против Англии и ее путей снабжения, а также полосой обеспечения обороны немецких территорий против воздушных ударов. Если же говорить об экономике, он был решающим для расширения немецкого экономического потенциала.

На Востоке инициатива германского командования была ограниченной, если учесть недостаточность сил и средств на этом фронте. После оккупации Норвегии, которая предотвращала охват территории Германии с севера и обеспечивала защиту Балтийского моря, на Западном фронте инициатива принадлежала противнику. Желание изменить положение и захватить, по крайней мере, частичную инициативу лежало в основе Африканской кампании. Она должна была поддержать итальянцев и создать угрозу интересам Англии. Операции на севере Финляндии вместе с Норвежской кампанией имели целью захват русских полярных портов. Однако они привели только к созданию фронта на Крайнем Севере, который прикрывал норвежский западный фронт на Востоке. Представить себе войну на Востоке нельзя без фронта на Балканском полуострове. Вследствие проводимых с осени 1943 года в непосредственной близости от Балкан англо-американских операций в Италии одно время казалось, что Балканский фронт является стратегически особенно важным и, словно двуликий Янус, смотрит на Запад и на Восток. Так как Балканы, исключая Грецию, были сферой русских интересов, связь этого региона с положением на Восточном фронте сохранилась. Однако союзники, благодаря отказу от высадки на Балканах, упустили чрезвычайно многообещающие оперативные возможности для крупномасштабного успеха.

Ситуация, сложившаяся благодаря высадке союзников в Италии, также не привела к созданию самостоятельного фронта. Итальянский театр военных действий был своеобразным придатком Западного фронта и оставался таковым до конца войны.

Когда на Западном фронте в июле 1944 года вторично обострилась ситуация, средства, которыми располагало здесь германское командование для ведения боевых действий, были недостаточны, поскольку ресурсы вермахта оказались слишком истощены на Восточном фронте, на котором так и не была достигнута решающая победа.

И в Первой мировой войне Германия вела войну на два фронта. Германское командование, как и во Второй мировой войне, находилось в благоприятных условиях, ведя боевые действия на так называемой «внутренней линии». Однако эффективность внутренней линии проявляется только тогда, когда командование имеет возможность высвободить на одном фронте внушительные силы для их использования на другом и когда в его распоряжении находится стабильная железнодорожная связь между обоими фронтами. И то и другое в первой войне было обеспечено. Германское командование тогда могло силами, сражающимися на одном фронте, оказывать влияние на положение на другом фронте. Силы, запланированные для участия в операции на одном фронте, могли быть переброшены с другого фронта буквально с точностью до дня.

Во Второй мировой войне воздушные налеты противника год от года все больше нарушали и разрушали транспортную сеть на территориях, контролируемых Германией, а на Западе вообще разрушили ее. Когда значение Западного фронта, благодаря высадке союзников в июне 1944 года, возросло, было невозможно своевременно осуществлять колоссальные транспортные перевозки, тем более учитывая значительные расстояния. Фактор времени на транспорте при использовании внутренней линии играл первостепенную роль. Во Второй мировой войне он утратил свои возможности и лишил внутреннюю линию ее решающего значения. Со всей очевидностью обнаружился вред от войны на два фронта.

Цель военных действий – сломить волю и силы противника. Цель стратегии в этих рамках – долговременный подрыв боеспособности вражеских вооруженных сил. Блокада Германии в Первой мировой войне служила общей цели ее разгрома.

Боевые действия находятся под существенным влиянием духа времени, состояния техники, а также политических планов и идей. Однако война отчасти следует собственным законам, и накал сражений теряет силу, если политика, инструментом которой война является, не учитывает эти законы. Это нередко происходило во время Второй мировой войны.

Формы, которые имела эта война, нельзя рассматривать без зависящих от духа времени тенденций и необычайно высокого уровня развития техники. Дух XX столетия в политике в широкой мере был направлен на тоталитарность, что проявлялось как в диктатурах, так и в прогрессивных демократиях. Военная техника достигла никогда ранее не виданного многообразия и эффективности.

Вторая мировая война представляла собой величайшую революцию в военной стратегии, которая приобрела тоталитарный характер. Сражающиеся стороны стремились не только поразить вооруженные силы, но и нанести ущерб экономике и населению противника. Последнее достигалось преимущественно военно-воздушными силами. Блокада, служившая той же цели, была для Германии несравненно менее чувствительной, чем в Первую мировую войну, поскольку снабжение, особенно продовольствием, было хорошо организовано, значительные объемы его поставляли обширные оккупированные области. В противоположность этому, Англия в начале войны, когда немецкие подводные лодки были наиболее активны, ощутила блокаду очень остро.

Из-за воздушных налетов на населенные пункты и промышленные предприятия противника война приобрела особенно жестокий характер. Германское командование долго сдерживалось, прежде чем начало действовать такими же методами, как и его противники. Так, британский историк Б. Лиддел Гарт в своей книге «Революция в войне» (в СССР издана в переводе в 1947 г. – *Ред.*) отмечал, что первый воздушный налет люфтваффе на Лондон последовал только после того, как в сентябре 1940 года англичане выполнили шесть ночных воздушных налетов на Берлин. Он назвал налет германских военно-воздушных сил справедливой ответной мерой. Предостережения руководства Германии по поводу распространения войны на гражданское население были оставлены в Лондоне без внимания.

Для того чтобы понять стратегию Германии во Второй мировой войне, необходимо обратить внимание на структуру вермахта, который был главным инструментом ведения войны. Германский вермахт во Второй мировой войне был совсем иной, нежели в Первой мировой войне, что и придало войне особенные черты.

К классическим видам вооруженных сил, сухопутным войскам и военно-морским силам (кригсмарине) добавилась третья, весьма специфическая составная часть вермахта – военно-воздушные силы (люфтваффе). Военно-воздушные силы предназначались для выполнения широкого спектра оперативных задач, в том числе для поддержки сухопутных сил и военно-морского флота. Они расширили районы досягаемости в глубь территории противника, а их деятельность ограничивалась только дальностью полета самолетов. Благодаря поддержке с воздуха наземные силы получили ощутимую помощь, а военно-морской флот стал действовать в большей безопасности.

Однако развитие люфтваффе было недостаточно быстрым. Превосходство противника в воздухе в ходе войны ощущалось все сильнее, отчего особенно страдал тыл, а когда война во время летних боев 1944 года на Востоке и высадки союзников на Западе вступила в решающую стадию, немецкие военно-воздушные силы из-за постоянного превосходства противника в воздухе стали малоэффективными.

Во время Первой мировой войны в области противовоздушной обороны были возможны только несущественные импровизации, однако с развитием материальной базы впоследствии были созданы многочисленные высокоэффективные зенитные подразделения.

Новшеством стали парашютно-десантные формирования, без которых отдельные операции не могли проводиться, или проводились с очень высокими потерями.

Механизация и моторизация, равно как и новые виды оружия, существенно повысили боеспособность армии; были созданы новые боевые подразделения, части и соединения, действия которых нередко являлись решающими в достижении успеха военных операций на суше. Это танковые дивизии, пехотные дивизии, батальоны мотоциклистов, бригады штурмовых орудий, противотанковые подразделения и моторизованные снабженческие колонны.

В военно-морском флоте сохранялось сильное превосходство противника. Господство на море, как и следовало ожидать, осталось у Англии, что в отдельных случаях, например в Африканской операции, оказывало парализующее воздействие и давало врагу большую свободу действий.

Германские подводные лодки в начале войны были опасным оружием, но уже летом 1942 года, благодаря совершенствованию радиогидроакустических средств обнаружения, их деятельность была парализована. Надводные корабли, среди которых были очень крупные, в основном использовались для подрыва снабжения противника и не могли компенсировать потерю подводных лодок.

Успехи германского вермахта во Второй мировой войне, особенно в ее начале, были исключительно велики, хотя ему почти всегда приходилось сражаться с превосходящим его по численности противником, имея недостаточные средства. Этого невозможно было бы достичь, если бы не традиционно высокий воинский дух немецких солдат и эффективное командование. И тот факт, что война в конце концов окончилась поражением Германии, нельзя поставить вермахту в вину.

*Фон Рендулич,
генерал-полковник в отставке*

Что привело ко второй мировой войне

Все то, что с тревогой предвидели дальновидные люди в Германии и других государствах, сбылось через двадцать лет после завершения Первой мировой войны. Мирный договор, который в Версале окончилась Первая мировая война, нес в себе ростки будущего конфликта.

Самой болезненной раной, нанесенной немецкому народу, были новые границы на востоке, и среди них – Польский коридор. Чтобы дать возрождавшейся Польше выход к Балтийскому морю, преимущественно германская Западная Пруссия (Польское Поморье, захваченное немцами в XIII–XVIII вв. – *Ред.*) отошла к Польше, вследствие чего исконно германская Восточная Пруссия (до XIII в. населенная близкими к литовцам племенами пруссов, которые позже в ходе немецкой колонизации были истреблены. – *Ред.*) оказалась отрезанной от остального немецкого государства. Уступка Западной Пруссии стала, прежде всего, насилием над национальным принципом (Польше вернули только Восточное Поморье, захваченное немцами в 1772 г. – *Ред.*). Это решение больше чем любое другое уничтожило веру немецкого народа в международную справедливость и предопределило будущий приход к власти Гитлера.

Только с большим трудом удалось обеспечить для старого немецкого города Данцига статус «вольного города», что также несло в себе возможности будущих конфликтов (старинный славянский город Гданьск (упоминается с 997 г.), центр Восточно-Поморского княжества, вместе с которым был захвачен в 1308 г. Тевтонским орденом. В 1454 г. Польша, разбив войска ордена, заняла город. В XV–XVII вв. Гданьск был центром польской внешней торговли. В 1793 г. захвачен Пруссией. По Версальскому договору в 1919 г. онемеченный город был превращен в «вольный город Данциг» под управлением Лиги Наций. – *Ред.*). Более того, многочисленное немецкое меньшинство в исторических немецких (онемеченных. – *Ред.*) областях оказалось под польским господством. Это дало новую пищу для разнообразных межнациональных трений.

Естественно, что окрепшая после прихода Гитлера к власти Германия стремилась к урегулированию ситуации, сложившейся благодаря Версалию на ее восточной границе. Слабая Веймарская республика отказалась признать такое решение продолжительным, заявив, однако, что будет стремиться к его пересмотру только мирными средствами.

В начале 1934 года Гитлер сделал очень хитрый ход, заключив с главой польского государства маршалом Пилсудским договор о ненападении, благодаря которому он мог, насколько это касалось Польши, иметь свободу действий при урегулировании других трудностей, вытекающих из Версальского договора. Триумфом его политики можно назвать то, что поляки на основании Мюнхенского соглашения, заключенного осенью 1938 года, присоединили чехословацкую, но населенную большей частью поляками Тешинскую область, вместо того чтобы выразить солидарность с «братским славянским народом».

Если Гитлер до Мюнхенского соглашения проводил политику, которая нашла свое моральное оправдание в так часто и так настойчиво провозглашаемом бывшими союзниками национальном принципе, то теперь он резко изменил курс, заняв Прагу и в одностороннем порядке превратив оставшуюся (после образования Словакии и оккупации Судетской области) часть Чехословакии в немецкий протекторат. Мир на это отреагировал довольно остро, и прежде всего Англия, усилиями которой в основном и было продавлено заключение Мюнхенского соглашения. После пражских событий там господствовало мнение, что в будущем каждому шагу Гитлера, нацеленному на одностороннее изменение существующих территориальных границ, следует противостоять всеми средствами, даже идя на риск войны.

В ходе развития событий выяснилось, что поляки сначала уклонились от ответа на предложения Гитлера, сделанные им в январе 1939 года для окончательного урегулирования германо-польских отношений, а 29 марта в конце концов отклонили их, явно ссылаясь на события

в Чехии. Они даже провели частичную мобилизацию находившихся в коридоре своих вооруженных сил. Сами по себе предложения Гитлера были весьма умеренными: возвращение Данцига рейху и уступка экстерриториальных транспортных связей через коридор. За это Германия гарантировала соблюдение западных границ Польши.

По всей видимости, эти события, инициированные при Гитлере, имели целью усмирить Польшу войной. В последние дни марта командующим всеми тремя частями вермахта было направлено указание до конца августа подготовиться к вооруженному противостоянию с восточным соседом, после того как жесткая позиция относительно Данцига и коридора сделает войну неизбежной. Ее предпосылкой будет политическая изоляция Польши, для чего в недалеком будущем, благодаря внутреннему кризису во Франции и явной сдержанности Англии, может представиться возможность.

Еще более определенно высказался Гитлер на совещании в рейхсканцелярии с командующими и начальниками штабов 23 марта. При этом впервые было сказано, что при столкновении с поляками речь идет не только о Данциге, но и о расширении жизненного пространства германской нации и об обеспечении снабжения Германии продовольствием в расчете на борьбу с западными державами. А поскольку поляки и так уже являются противниками немцев, необходимо при первом удобном случае напасть на них и обезвредить.

О вступлении в войну западных демократий Гитлер в это время, очевидно, не думал. Поэтому летом 1939 года почти не велось приготовлений к войне на Западе, во всяком случае, немцы не делали ничего, кроме охраны государственной границы. Особенно подчеркивалась нерушимая прочность Западного вала (линия Зигфрида, система долговременных укреплений, возведенных в 1935–1939 гг. вдоль западных границ Германии от Нидерландов до Швейцарии (от Клеве до Базеля). Всего ок. 16 тыс. фортификационных сооружений; протяженность ок. 500 км, средняя глубина 35–75 км, а в центре 100 км и более. – *Ред.*).

С апреля и далее велись практические приготовления к войне против Польши. В армии они заключались в раннем призыве резервистов и военнослужащих запаса старшего возраста на осенние учения. Были созданы учебные формирования – дивизии 2-й и 3-й волны, подготовлено создание четырнадцати новых дивизий из запасных батальонов (4-я волна). В течение лета некоторое количество дивизий было перебазировано на германскую восточную границу для выполнения земляных работ. Стягивание войск для впервые предусмотренных осенних маневров танковых войск и военного парада по случаю празднования на мемориале Танненберга (в честь победы над 2-й армией Самсонова в августе 1914 г. – *Ред.*) помогло последовавшему позднее их развертыванию. Разработанный Генеральным штабом план операции подвергся тщательной проверке.

Нельзя сказать, что польское правительство, со своей стороны, старалось избежать дальнейшего обострения ситуации, проявляя осторожность и сдержанность. Так, оно направило властям Данцига ультиматум по одному из второстепенных вопросов, связанному с деятельностью польского таможенного инспектора в гавани города. Германская сторона ответила предостережением от повторения подобных ультимативных шагов. С польской стороны последовала более острая реакция. Поляки, говоря официально, дальнейшие вмешательства рейха в отношения между Данцигом и Польшей рассматривали как акты агрессии. Сказалась не только сама по себе понятная нервозность польского правительства, но и порожденная верой в поддержку англичан необоснованная самонадеянность.

Гитлера предостерегали и его друзья итальянцы. Граф Чиано, министр иностранных дел в правительстве Муссолини, 12 августа посетил Гитлера в Бергхофе. В состоявшейся беседе Гитлер высказался в том же духе, что и на совещании с командующими 13 мая: Польшу следует подавить, поскольку она всегда будет противником стран оси.

Возражениям Чиано, утверждавшего, что война с Польшей наверняка перерастет во всеобщую, мировую войну, Гитлер противопоставил свое «непоколебимое убеждение», что запад-

ные демократии в конце концов поостерегутся противостоять его планам. Когда же Чиано указал на неготовность Италии к войне и ее заинтересованность в отсрочке противостояния, а также на необходимость созыва международной конференции, Гитлер решительно отверг эти соображения. Он спешил. В качестве самого позднего срока начала военных операций против Польши Гитлер назвал конец августа.

Свое убеждение, что западные страны в случае вооруженного конфликта между рейхом и Польшей останутся в стороне, Гитлер уже 14 августа довел до сведения главнокомандующего сухопутными войсками (Брахича. – *Ред.*) и начальника Генерального штаба (Гальдера. – *Ред.*). Англия, заявил он, пошумит, возможно, разорвет дипломатические отношения с Германией, но не вступит в борьбу с оружием в руках. Конечно, предпосылкой этого явится быстрый и решающий успех, после которого западным странам станет ясно, что Польша находится на пороге краха.

Дальнейшее развитие событий способствовало рассеиванию всех сомнений Гитлера, если таковые, в первую очередь относительно позиции западных держав, у него вообще были. С начала июля идущие германо-советские переговоры относительно заключения торгового договора привели к более свободному политическому общению, причем не является тайной, от какой стороны исходила инициатива. (Инициатива исходила прежде всего от Германии. СССР дважды (в начале августа и 14 августа) отвергал предложения Германии подписать секретный протокол о разграничении интересов Германии и СССР «на всем протяжении от Черного до Балтийского моря». И только после срыва 17–21 августа переговоров в Москве с представителями Англии и Франции СССР дал согласие на заключение договора с Германией. Причем в это же время на востоке, на реке Халхин-Гол, велись тяжелые бои с японцами, грозившие перерасти в полномасштабную войну. У СССР не было другого выхода. – *Ред.*) В стремлении привлечь на свою сторону Сталина и опередить западные державы, которые хотели видеть Советский Союз всеобщей гарантией для государств, которым угрожала Германия, Гитлер шел навстречу желаниям русских. Благодаря согласию на присоединение к Пакту о ненападении и предоставлении СССР свободы действий в Прибалтике ему удалось преодолеть недоверие Сталина. 23 августа министр иностранных дел рейха фон Риббентроп прибыл в Москву. В ночь на 24 августа Пакт о ненападении между Германией и Советским Союзом был подписан. К нему имелось тайное дополнительное соглашение о том, что сферы интересов обеих сторон разграничены таким образом, что демаркационная линия разделяет польскую государственную территорию на восточную и западную части. Вопрос о возможном восстановлении независимого польского государства остался в подвешенном состоянии.

Ввиду этих бесспорно больших внешнеполитических успехов по крайней мере на обозримое будущее опасность войны на два фронта представлялась ничтожной. Гитлер считал вмешательство западных сил в защиту поляков невозможным. Об этом он и сообщил на многочасовом совещании, которое провел 22 августа в Бергхофе со старшими командирами и начальниками штабов. Он подробно описал сложившуюся благоприятную ситуацию, подчеркнул крайне малую вероятность вмешательства Запада и высказал намерение развязать войну пропагандистскими мерами. Любые сомнения он немедленно отвергал.

В операциях скорость и решительность решали все. Обе передовые ударные группировки вермахта должны были очень быстро продвинуться до рек Висла и Нарев; польские оборонительные рубежи быстро преодолевались, польские армии изолировались друг от друга, а массированные налеты авиации должны были способствовать полному разгрому противника.

Итак, Гитлер назначил дату начала операции – 26 августа, 4.30 утра.

Но дипломатические игры, предшествовавшие трагедии, еще не были завершены. Еще 22 августа британское правительство официально уведомило, что заключение германо-советского договора о ненападении никоим образом не повлияет на его обязательства по отношению к Польше. Одновременно премьер-министр Чемберлен направил Гитлеру личное послание,

в котором, ссылаясь на британские мобилизационные меры, подчеркивал решимость своего правительства оказать помощь Польше, одновременно выражая готовность принять участие в прямых германо-польских переговорах.

Гитлер (предварительно долго крича на привезшего около 13.00 23 августа в Берхтесгаден послание Гендерсона) в ответном послании возразил, что немецкое правительство в свете последнего британского заявления не намерено отказываться от защиты интересов рейха в Польше, а дальнейшие мобилизационные мероприятия в Великобритании вызовут немедленную мобилизацию сил германского вермахта.

Уже вечером 23 августа, когда Гендерсон улетел обратно в Берлин, Гитлер отдал приказ 26 августа в 4.30 начать наступление. Все же, казалось, Гитлер еще обдумывал возможность удержать Великобританию в стороне от конфликта. 25 августа в 13.30 он принял (уже в Берлине) британского посла Гендерсона и сообщил ему, что желает раз и навсегда покончить с «македонским положением вещей» на германской восточной границе, что после решения проблемы Данцига и коридора он обратится к Великобритании с развернутыми предложениями, основные черты которых он сообщил послу в отдельности. В заключение он попросил дипломатического представителя Великобритании лично отвезти это «последнее предложение» в Лондон самолетом. (Однако закончил свою речь Гитлер совсем на другой ноте, сказав, что человек он очень решительный и что это его последнее предложение. Если английское правительство отвергнет его идеи, то будет война. – *Ред.*) А в 17.35 25 августа был подписан британско-польский договор о взаимопомощи.

Ввиду этого неожиданного для Гитлера шага, сделавшего иллюзорными все надежды на то, что Британия останется в стороне, фюрер решил сдвинуть дату нападения и сначала дожидаться реакции британского правительства на его «последнее предложение». С большим трудом Верховному главнокомандованию удалось остановить воинские части, уже приведенные в движение, и вернуть их на исходные позиции вблизи границы.

В последующие дни события очень быстро сменяли друг друга. 28 августа Гендерсон передал ответ британского кабинета на «последнее предложение» Гитлера. В ноте подчеркивалась готовность к германо-британским консультациям после мирного разрешения конфликта между Германией и Польшей. Затем рекомендовались прямые переговоры между главными участниками конфликта для достижения и гарантированного другими странами соглашения, обеспечивающего интересы Польши. Британское правительство заверяло, что употребит все свое влияние для нахождения удовлетворительного решения.

29 августа Гитлер дал ответ. Он указал на польские перегибы в Данциге и преследования немецкого меньшинства в Польше. Однако фюрер заявил, что согласен с предложенным англичанами посредничеством, так как англичане имели целью отправку уполномоченных польских представителей в Берлин. Немецкое правительство в ближайшие дни ожидало прибытия этих представителей. Отличительные признаки «ультиматума» в этом (последнем) предложении Гитлер отклонил, ссылаясь на необходимость спешки, ввиду актов насилия над немцами и опасности инцидентов на границе.

30 августа британский премьер сообщил фюреру, что ходатайствовал перед польским правительством о принятии мер к предотвращению инцидентов на границе, и попросил о соответствующих мерах также германскую сторону. Около полуночи британский посол передал ответ своего правительства на германскую ноту, полученную накануне. В ответе было сказано, что польское правительство будет тотчас информировано о готовности немцев к началу прямых переговоров. На словах Гендерсон передал, что его правительство находится не в том положении, чтобы рекомендовать полякам послать своих переговорщиков в Берлин, скорее оно считает целесообразным действовать обычным путем через польского посла, чтобы дело было сдвинуто с мертвой точки.

Министр иностранных дел рейха фон Риббентроп возразил, что вопрос возможных германских предложений по урегулированию больше не актуален, ибо до полуночи о польском шаге ничего не будет известно. Германские предложения Риббентроп зачитал британскому послу на немецком языке. Его главные пункты были следующими: немедленное возвращение Данцига рейху; народный референдум под международным контролем по вопросу Польского коридора, за исключением Гдыни, которая в любом случае должна остаться польским портом; изучение проблемы национальных меньшинств международной комиссией.

Несмотря ни на что, британское правительство, даже в последний час, старалось добиться проведения прямых германо-польских переговоров. После новых консультаций в Варшаве вечером 31 августа в министерстве иностранных дел появился польский посол Липский, который сумел лишь сообщить, что его правительство весьма благосклонно относится к британским инициативам. Для переговоров он не имеет полномочий. Отныне немецкое предложение передавалось по немецкому радио, а поляки, тоже по радио, сообщили, что это предложение является совершенно неприемлемым для Польши.

Так был решен вопрос о войне и мире. Сутки 30 августа подошли к концу, а польские переговорщики так и не появились. 31 августа около 16.00 Гитлер отдал окончательный приказ 1 сентября в 4.45 начать наступление. Жребий был брошен.

Генерал-лейтенант в отставке Дитмар

Германская армия

К осени 1939 года германская армия располагала следующими силами:

39 пехотных дивизий,
3 горнострелковые дивизии,
5 танковых дивизий,
4 легкие дивизии,
1 кавалерийская дивизия,
всего 52 крупных военных формирования.

Весьма внушительные вооруженные силы, особенно если учесть, что они сформировались менее чем за шесть лет из 7 пехотных дивизий и 3 кавалерийских бригад 100-тысячной армии, а также 6 созданных в 1938 году австрийских бригад. Также следует принять во внимание, что, помимо собственно дивизий, было создано большое число специальных военных подразделений – армейские артиллерийские и саперные батальоны, связисты, команды особого назначения.

Эта армия мирного времени представляла собой в случае мобилизации первый оперативный эшелон (первую волну) армии военного времени; сверх этого имеющиеся и в мирное время запасные (учебные) подразделения и некоторые формирования первой волны создавали основу для построения других армейских соединений и 51 дивизии второго, третьего и четвертого оперативных эшелонов (исключительно пехотные дивизии).

На вооружении армии условия Версальского договора относительно оснащения 100-тысячной армии сказались благоприятным образом, поскольку при новом строительстве германской армии не использовались устаревшие оружие, техника и снаряжение.

Дивизии (первой волны) первого оперативного эшелона были почти все оснащены современной техникой и поэтому превосходили средние войсковые формирования других европейских государств по качеству и сбалансированности вооружения.

Конечно, короткого времени, оставшегося до начала военных действий, не хватило, чтобы подготовить такие же современные оружие и снаряжение и для других (волн) оперативных эшелонов. Здесь пришлось, наряду с незначительными запасами австрийской армии, использовать, главным образом, ставшие доступными из-за расформирования чехословацкой армии ее оружие и технику. (Огромные запасы, достаточные для оснащения современным оружием 1 млн чел. – *Ред.*) Относительное усложнение организации снабжения требовало более тщательной подготовки, которая, разумеется, была детской игрой по сравнению с проблемами, выявившимися в ходе войны, когда в германской армии уже присутствовало снаряжение и оружие почти всех европейских стран.

Военачальники, добросовестно и серьезно готовившие кадры в 100-тысячной послеверсальской армии, создали фундамент для необходимого быстрого увеличения офицерского и унтер-офицерского корпуса. Фундамент оказался сверх ожидания прочным.

Наряду с большим числом особенно талантливых и проверенных в роли воспитателей и наставников унтер-офицеров 100-тысячной армии, перешедших в офицерский корпус, кадровые военнослужащие старой имперской армии дали возможность снабдить формирования, быстро множившиеся в годы строительства новой армии, достаточным количеством надежных унтер-офицеров. Несомненно, именно их главной заслугой является то, что удалось перенести на новую армию высокие стандарты прежней имперской армии и предотвратить постепенное ухудшение качества войск, ожидаемое из-за постоянного «разжижения» фундамента.

Не столь благоприятной была ситуация с необходимым расширением офицерского корпуса. Здесь бывшие офицеры имперской армии, в первую очередь молодые, в большом количестве привлекались к созданию военно-воздушных сил. Воспитание новых молодых офице-

ров требовало времени, которого, с точки зрения политического руководства страны, не было. В напряженных ситуациях приходилось прибегать к услугам людей, которые зачастую не отвечали необходимым требованиям.

Несмотря на это, тактические и оперативные уроки, извлеченные командованием армии из опыта Первой мировой войны, удалось закрепить и в расширенном офицерском корпусе.

Требования, предъявляемые к командирам всех уровней, далеко не всегда были выполнимы, учитывая сильно «разбавленный» офицерский корпус. Однако очевидно, что, несмотря на всю поспешность, германская армия была построена на здоровом, прочном фундаменте. После неизбежных первоначальных трений, особенно когда по завершении Польской кампании была углублена подготовка и оценен новый военный опыт, уже во Французской кампании немецкие дивизии доказали свое превосходство над доселе считавшимися сильнейшими вооруженными силами континента.

Успехи германских войск поразили не только противника, но и свое собственное командование, которое с большой опаской взялось за выполнение поставленной перед ним Гитлером задачи блицкрига. После удивительно быстрого падения Франции германское командование провело необходимые обширные приготовления, чтобы эту ситуацию использовать.

Фон Бутлар, генерал-майор в отставке

Структура командования вермахта во второй мировой войне

В начале Второй мировой войны Германия имела структуру командования войсками, которую с теоретической точки зрения можно считать идеальной и во всех отношениях современной.

Во главе всех вооруженных сил стоял главнокомандующий вермахтом. Единственным исключением поначалу являлись силы войск СС. Однако, когда в феврале 1938 года, после отставки фельдмаршала фон Бломберга, Гитлер сам занял его должность, это исключение было устранено.

В качестве штаба выступало Верховное главнокомандование вермахта – ОКВ.

Главкомандующему вермахтом подчинялись три вида вооруженных сил – сухопутные войска (das Heer), военно-воздушные силы (die Luftwaffe) и военно-морские силы (die Kriegsmarine) – каждый имел собственное главнокомандование (соответственно ОКН, ОКЛ, ОКМ) с главнокомандующими и штабами (при ОКМ – штаб руководства морской войной). Три вида вооруженных сил были самостоятельными и равноправными.

Деятельность видов вооруженных сил регулировалась указаниями Верховного главнокомандующего вермахтом – то есть Гитлера. Для определенных областей, в первую очередь вооружения и управления, была разработана «система ответственности», то есть часть вермахта, в целях экономии людей и материалов, брала на себя соответствующую разработку используемого всеми оружия или все административные процессы, общие для вермахта.

Совмещение в одном лице функций главнокомандующего вермахтом и главы государства давало возможность все невоенные, но важные для ведения войны органы государственного управления оперативно загружать работой, необходимой для ведения военных действий.

Такое решение внешне казалось идеальным, но уже спустя короткое время после начала войны стало очевидно, какой большой вред оно в себе заключало. Из-за личного вмешательства Гитлера в командование войсками он был настолько перегружен деталями чисто военного командования, что утратил необходимую для главы государства дистанцию в отношении оперативных и тактических событий на фронтах и все больше не находил времени для эффективного государственного руководства. Но и военное командование многое теряло при такой форме управления, ибо возникавшие сиюминутные острые вопросы заслоняли общую стратегическую концепцию.

Более того, выдвинутый Гитлером принцип разделения ответственности, так же как и его стремление не уступать никому из своих коллег дающее власть положение главнокомандующего, снижал эффективность командования. Главкомандующий видом вооруженных сил, подчиняющийся лично Гитлеру, мог использовать свои личные связи с Верховным главнокомандующим ради потребностей своих людей, не уделяя особого внимания общим интересам. Из-за тесных связей Гитлера с главнокомандующим люфтваффе Герингом, а во второй части войны – также с главнокомандующим военно-морским флотом Дёницем предложения этих командующих, ввиду отсутствия влиятельных, не подверженных партийному влиянию советников, часто принимались в ущерб сухопутным войскам.

Когда Гитлер после отставки фельдмаршала фон Браухича (1941) принял на себя также командование сухопутными силами, стали лучше учитываться и их интересы, но командная структура вермахта стала менее четкой. Следствием того факта, что Гитлер, как главнокомандующий вермахтом, одновременно являлся своим же собственным начальником на посту главнокомандующего сухопутными силами, стало ухудшение и без того слабого командования. К этому надо добавить, что именно в то время, когда общая ситуация требовала максимальной

концентрации сил и командной власти, ОКВ и в особенности *штаб оперативного руководства вермахта* все больше сосредоточивались на вопросах командования сухопутными силами. Вследствие этого приобретающий все большее значение, по мере разрастания войны, круг задач управления оперативными, военно-политическими, военно-экономическими и снабженческими проблемами отступил на задний план перед узко ограниченными задачами командования на театрах военных действий. Таким образом возникло напряжение между Генеральным штабом сухопутных сил и штабом оперативного руководства вермахта.

Выявившаяся нехватка ответственных советников Гитлера на уровне вермахта еще больше обострила противоречия двух штабов (штаба оперативного руководства вермахта и Генерального штаба армии) и даже командные и кадровые проблемы самого вермахта.

Кроме сказанного, можно отметить следующие недостатки.

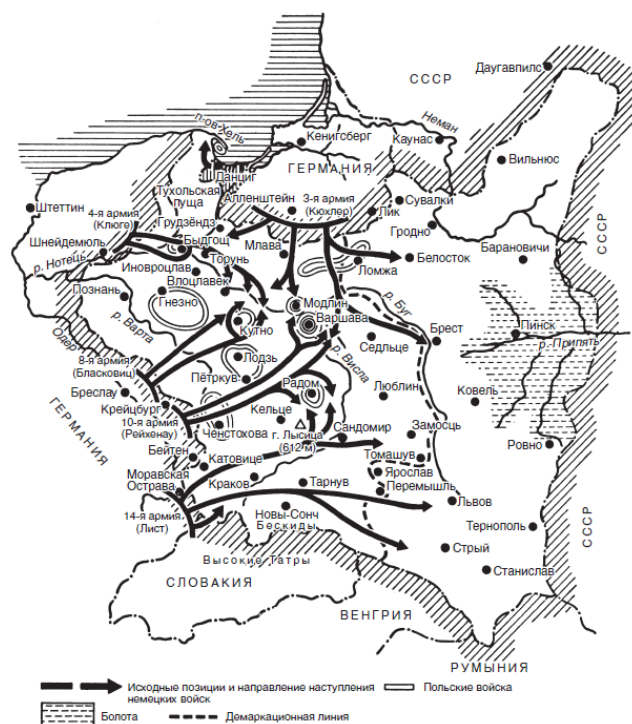
Авторитарное руководство Германией началось и закончилось при Гитлере. Для работы подчиненных и служащих он создал организацию, которая, благодаря нечеткому разграничению сфер ответственности, нередко назначала нескольких лиц для выполнения одинаковых задач. Гитлер ожидал, что возникшая таким образом конкуренция позволит достичь максимального результата. Вместо этого чаще всего большая часть расходуемой энергии тратилась впустую в бесполезной борьбе, которую ответственные лица вели друг с другом за первенство.

Следствием этого родившегося из недоверия Гитлера к экспертам организационного и командного хаоса стало то, что почти все сколько-нибудь важные вопросы, которые при четкой организации без затруднений могли бы быть урегулированы соответствующими министерствами и ведомствами, ждали решения лично Гитлером. Таким образом, он сверх всякой меры был занят проблемами второстепенного значения. С другой стороны, Гитлер создавал впечатление, что лишь он один был в состоянии не дать остановиться движению военной машины. В конце концов только так называемый приказ фюрера имел перспективу быть всерьез воспринятым руководящими лицами, но и его влияние снизилось.

Сосредоточение всего государственного руководства в руках одной личности привело к тому, что в военных кругах, так же как и в других слоях общества, победил ход мыслей, который все больше отличался от реальностей фактического оперативного и стратегического положения. Гитлер все больше полагался на необоснованные надежды и желания, вместо того чтобы принимать в расчет действительное положение вещей. Грань, за которой даже самая сильная воля должна была сдаться под давлением обстоятельств, у Гитлера постепенно стиралась.

Только с учетом особенностей структуры германской военной верхушки и влияния, оказываемого Гитлером на оперативные и частично тактические решения, можно дать фактическую оценку успехам германских командования и войск. Пока военные советники могли осуществлять свои функции в соответствии с требованиями политического руководства, по крайней мере в целом войска получали боевые задачи в рамках их возможностей (Польская и Норвежская кампании, западный блицкриг 1940 года). С того времени, когда политическое руководство стало предъявлять завышенные требования к потенциалу войск (Русская кампания), а Гитлер попытался подкрепить эти требования вмешательством в военное руководство, игнорируя основные стратегические и оперативные принципы, – все это привело к частым и тяжелым поражениям. Политические, экономические, пропагандистские и престижные соображения взяли верх в таких операциях, как Киевская, Кавказская, Тунисская, Фалезская, Крымская, Арденнская и т. д., неудачи в их проведении становятся вполне понятными, если принять во внимание упадок военного руководящего аппарата вермахта с зимы 1941/42 года.

*Фон Бутлар,
генерал-майор в отставке*

Польская кампания

Генерал-лейтенант в отставке Дитмар

Рано утром 1 сентября 1939 года главные силы германского вермахта перешли в наступление с находящихся вблизи польских границ исходных позиций. В 52 дивизии (по другим данным, 54 дивизии: *Мюллер-Гилмбранд*. Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. Т. II. С. 14, 20) вошли все без исключения имеющиеся танковые, легкие и моторизованные дивизии (среди пехотных дивизий 13 – второго и третьего оперативных эшелонов) и кавалерийская бригада. Они были сгруппированы следующим образом:

группа армий «Юг» (генерал-полковник фон Рундштедт):

14-я армия (генерал-полковник Лист) – на юге Верхней Силезии – в районе Ратибора (совр. Рацибуж) – Моравска-Острава (совр. Острава);

10-я армия (генерал артиллерии фон Рейхенау) – в районе Розенберга (совр. Олесно) и Крейцбурга (совр. Ключборк) на севере Верхней Силезии;

8-я армия (генерал пехоты Бласковиц) – в районе восточнее Бреслау (совр. Вроцлав). Всего в группе армий 35 дивизий (по другим данным, 33 дивизии, в т. ч. 4 танковые. – *Ред.*), включая расположенные здесь же армейские резервы.

Группа армий «Север» (генерал-полковник фон Бок): 4-я армия (генерал артиллерии фон Клюге) – западнее Польского коридора около и севернее Шнейдемюля (совр. Пила);

3-я армия (генерал артиллерии Кюхлер) – на юге Восточной Пруссии. Всего в группе армий 17 дивизий (по другим данным, 21 дивизия, в т. ч. 2 танковые. – *Ред.*) и одна кавалерийская бригада. (Всего для войны с Польшей было выделено 62 дивизии, всего 1,6 млн чел., 2800 танков, 6000 орудий и минометов, ок. 2000 боевых самолетов. – *Ред.*)

Оперативная цель Верховного главнокомандования германской армии заключалась в том, чтобы путем охвата с юго-западного и северо-западного направлений окружить западнее Вислы основные силы польской армии, предположительно находившиеся в большой излучине Вислы между Краковом и Быдгощем, и уничтожить их. Однако наряду с этим с самого начала наметился еще один, более масштабный охват – удары наносились на юге через Вислу, выше Варшавы, и на севере Польши – из Восточной Пруссии на юго-восток в направлении Бреста. При этом учитывалась возможность, что достаточно мощные польские силы смогут принять бой только восточнее реки.

В группе армий «Юг» основная задача была возложена на 10-ю армию Рейхенау, которой поэтому были выделены сильные танковые и моторизованные соединения. Из района своего стратегического сосредоточения и развертывания – севернее Верхнесилезской промышленной области – им предстояло нанести главный удар по направлению к Висле южнее Варшавы. Южный фланг 10-й армии прикрывала 14-я армия Листа, основная масса которой через верховья Вислы наступала сначала на восток, а потом должна была повернуть на северо-восток.

8-я армия Бласковица, продвигаясь вперед, должна была взять на себя защиту глубокого фланга основных ударных сил. Ввиду предполагаемой концентрации мощных вражеских сил в районе Познани и ожидаемого сильного контрудара этих войск на юг (как только опасность, угрожающая со стороны ударных соединений 10-й армии Рейхенау, станет ясна польскому командованию) порученная армии Бласковица задача прикрытия имела особое значение.

Группе армий «Север» была поручена задача, вместе с наступающей из района Шнейдемюля 4-й армией Клюге, уничтожить находящиеся в коридоре вражеские формирования и, перейдя Вислу, установить связь с Восточной Пруссией. Им должна была содействовать более слабая группировка 3-й армии Кюхлера, наступавшая из Восточной Пруссии на юго-запад на

Грудзёндз, в то время как основные силы 3-й армии наносили удар через Нарев и Буг на юго-восток.

4-й армии Клюге предстояло после выполнения первой из поставленных перед ней задач двигаться вдоль Вислы в юго-восточном направлении, чтобы протянуть руку помощи северному крылу группы армий «Юг». Предусматривалось, что танковые и моторизованные дивизии (XIX танковый корпус) вскоре после начала боевых действий (и ликвидации Польского коридора) будут переброшены из 4-й армии в восточно-прусскую 3-ю армию, чтобы быть в ее распоряжении для масштабных операций за Наревом и Бугом.

Структура и развертывание польской армии

40 пехотных дивизий, 11 кавалерийских и 2 моторизованные бригады практически точно соответствовали тому, что ожидали немцы на основании оперативных данных и ввиду продиктованных чрезмерным национализмом целей польского военного руководства. (По плану мобилизации предполагалось иметь 1,5 млн чел., 30 пехотных и 9 резервных дивизий, 3 горнопехотные, 11 кавалерийских и 2 бронемоторизованные бригады, специальные части, ок. 80 батальонов национальной обороны. К началу боевых действий польское командование сумело развернуть на оборонительных рубежах 24 пехотные дивизии, 8 кавалерийских, 1 бронемоторизованную, 3 горнострелковые бригады и 56 батальонов национальной обороны – всего около 1 млн человек, 4300 орудий, 220 легких танков и 650 танкеток, 407 боеспособных боевых самолетов (из имевшихся 824). Развертывание польской армии в ходе войны продолжалось. – *Ред.*) Три армии развернулись на западной границе страны. Одна из них (армия «Познань») располагалась в районе Познани, готовая нанести фланговый удар по противнику, наступающему из Померании или Силезии. Вторая армия («Поможе») находилась в коридоре, третья (армия «Лодзь») – в восточной части Верхней Силезии. Еще одна сильная армия («Пруссы») в районе юго-восточнее Лодзи являлась применимым во всех направлениях оперативным резервом. Более слабые силы прикрывали естественную преграду Карпатских гор. (Автор забыл упомянуть армию «Краков». – *Ред.*)

Шесть дивизий армии «Модлин», имея сильную кавалерию, развернулись на южной границе Восточной Пруссии, в основном на растянувшемся до района Сувалки восточном фланге. Протяженную советско-польскую границу контролировало лишь несколько пограничных отрядов.

Уже первые военные дни принесли германской армии на востоке успехи, достаточно значимые, чтобы вера в быструю победу стала оправданной. На крайнем южном фланге, благодаря неожиданной атаке моторизованных сил, был весьма оперативно захвачен Яблунковский перевал и до 6 сентября был осуществлен прорыв через сложную гористую местность (Бескиды) в направлении города Новы-Сонч. К этому времени основные силы 14-й армии Листа, после форсирования в верховьях Вислы, отбросили противника к Кракову. А несколько севернее ударные силы 10-й армии Рейхенау продвинулись, обходя город Ченстохову с севера и с юга, до Кельце и Пётркува. Еще дальше на север 8-я армия Бласковица прорвала сильный польский укрепленный оборонительный рубеж по обе стороны от города Серадз (на р. Варта), чтобы оттуда наступать дальше на Лодзь.

В группе армий «Север» войска 4-й армии Клюге быстро прорвали коридор. 4 сентября немцы вышли к Висле в районе Хелмно. Находившиеся в коридоре силы противника были оттеснены в обширную лесистую местность Тухольская пуца и там, пока они не успели отступить на юг, окружены. 5 сентября связь с Восточной Пруссией стала свободной. Через Вислу были наведены мосты в районе Хелмно и Грудзёндза. Тем временем 3-я армия Кюхлера взяла Прасныш (совр. Пшашныш), и после тяжелых боев в районе городов Млава и Цеханув 6 сентября немцы вышли к Нареву в районе Ружана.

Германские военно-воздушные силы внесли существенный вклад в решающий успех первых военных дней. При сознательном сосредоточении сил на главных направлениях прежде всего было сделано все, чтобы подавить польские военно-воздушные силы. Уже 2 сентября можно было говорить о неограниченном господстве германской авиации над районами боев.

Не прошло и недели с начала военных действий, как отступление поляков шло уже по всему фронту.

На юге без сопротивления был взят Краков. Последовало быстрое развитие наступления, и немцы форсировали реки Дунаец и Вислока в направлении реки Сан. Танковые и мото-

ризованные дивизии армии Рейхенау стремились, без существенного внимания к флангам и тылу, прикрытие которых осуществлялось наступавшим следом пехотным соединением, мимо Кельце и Радома к Висле, куда германские танки и вышли 8 сентября в районе Гура-Кальварья, что южнее Варшавы. Благодаря этому была отрезана сильная группировка поляков в районе Радома, и наступавшие вслед за вырвавшимися вперед танковыми дивизиями германские пехотные соединения принудили ее к капитуляции. Также шло преследование противника 8-й армией Бласковица – в направлении на Лодзь и далее.

В это время окруженные в районе Тухольской пуши польские войска армии «Поможе» изнемогали под натиском 4-й германской армии. Еще во время заключительных боев по ликвидации здесь окруженных польских войск

4-я армия начала движение к Варшаве по обоим берегам Вислы. Дальше на восток восточнопрусская 3-я армия после тяжелых боев на рубеже Нарев форсировала реку в районе населенных пунктов Новогруд и Визна.

В период между 10 и 18 сентября накал сражений достиг высшей точки, но в исходе вряд ли можно было усомниться, после того как немецким ударным формированиям удалось не только заставить поляков отступать с территорий западнее Вислы, но и, благодаря соединению ударных группировок 10-й и 4-й армий западнее Варшавы, замкнуть кольцо окружения (не дав отходящим разбитым соединениям армий «Познань», «Лодзь» и «Пруссы» отойти на рубеж р. Висла). Капитуляция поляков теперь была вопросом времени.

Отрезанные в районе Радома польские войска 12 сентября сложили оружие, а в последующие дни решилась судьба сильной центральной группировки в районе между реками Бзура и Висла, к западу от Варшавы. Отчаянные попытки этой группировки пробиться к столице доставили некоторое беспокойство отдельным немецким дивизиям, составлявшим кольцо окружения, но имели только местное значение и никак не повлияли на общую ситуацию. Однако бои продолжались до 18 сентября, когда в сводках германского вермахта прозвучала информация о завершении сражения на Бзуре. Девять польских дивизий и отдельные части еще десяти – всего 170 тысяч человек – капитулировали. Истребительное сражение огромного размаха и классическое по замыслу и исполнению удалось. (Однако некоторые польские соединения во главе с командующим армией «Познань» генералом Кутшебой к Варшаве пробивались. – *Ред.*)

На юге сильное давление немецких войск, которое вело к постоянному отколу и последующей капитуляции отрезанных польских частей и соединений, ослабляло сопротивление поляков. 14 сентября немцы вышли к шоссе Львов – Люблин в районе Рава-Русская и Томашув-Любельски, 15-го перешли его и в тот же день взяли Перемышль (Пшемьсль). После тяжелых и продолжительных боев 17 сентября был полностью окружен Львов.

Напряженные бои 14 сентября развернулись в северных пригородах Варшавы на восточном берегу Вислы, куда прорвались соединения 3-й армии. Эта армия, наступавшая через Нарев и Буг, была частично повернута на Варшаву, а другие ее соединения, прежде всего перебросенный через коридор XIX танковый корпус, двигались к Бресту, который был взят 15 сентября. В тот же день немцы заняли Белосток.

Скорость, с которой велись немецкие наступательные операции, не мешала быстрой и планомерной оккупации лежащей за линией фронта территории. Уже 12 сентября в сводках вермахта было объявлено о захвате почти всех прежних германских областей с поименным перечислением всех городов, находившихся под немецким управлением. Этот факт имел большое значение, поскольку жившее в этих областях немецкое меньшинство в первые дни неоднократно становилось жертвой кровавых бесчинств польских националистов при бесконечном попустительстве местных властей. Организованный центральными инстанциями вывоз таких немцев, которые польской стороной считались потенциально опасными, часто превращался в осознанно жестокое обращение. Аналогичные меры, позже принятые германскими гражданскими властями против поляков и евреев, в свете этих событий казались вполне оправ-

данными. В противоположность этому немецкие военные власти стремились с самого начала предотвратить беспорядки и карать каждое нарушение военных законов. Уже во время боев стало понятно, что в вопросе обращения с поляками и евреями существуют серьезные разногласия между командующим армией генерал-полковником фон Браухичем и Гитлером, что вскоре привело к отстранению от дел назначенного к концу боев «командующим на востоке» генерала (с 1 октября генерал-полковника) Бласковица.

17 сентября немецкие вооруженные силы достигли линии, которая в сводках вермахта обозначалась как Львов – Владимир-Волынский – Брест – Белосток. Оставшаяся часть польской территории была открыта для продвижения немцев. Но в тот же день произошло событие, имевшее решающее значение: рано утром Красная армия пересекла советско-польскую границу. (В ноте, врученной 17 сентября 1939 г. польскому послу в Москве, советское правительство указывало, что не может безразлично относиться к судьбе единокровных украинцев и белорусов и поэтому отдало распоряжение командованию Красной армии «взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии». – *Ред.*) 20 сентября немецкая сторона впервые заявила о существовании между рейхом и Советским Союзом согласованной, проходящей по рекам Сан, Буг, Нарев, Писа демаркационной линии, ограничивающей сферы влияния обеих сторон. Также сообщалось, что немецкие силы после уничтожения враждебных группировок будут отведены на эту линию. Примечательно, что командующий гарнизоном Львова предложил капитуляцию уже находившимся в процессе отхода немецким войскам.

Как выяснилось, все это было только прологом к предстоящей грандиозной драме. Поляки еще твердо удерживали некоторые позиции – Варшаву, Модлин и полуостров Хель (совр. коса Межея-Хельска). Их стойкость после всего, что произошло, или, насколько это касалось помощи с Запада, не произошло, послужила только сохранению самоуважения поляков, а не оперативным успехам, не говоря уже о том, что она никоим образом не изменила судьбу Польши. Не только на полях Восточной Польши (в ходе освободительного похода советские войска (466,5 тыс.) разоружили и взяли в плен 452,5 тыс. польских воинов, в т. ч. 18,8 тыс. офицеров. Безвозвратные потери Красной армии (убито, пропало без вести, умерло от ран и болезней) – 1475 чел. – *Ред.*), но и в названных крепостях поляки в совершенно безнадежном положении продолжали сопротивляться. Причем им помогло то, что немецкая сторона вела последние бои в «щадящем режиме» как для своих войск, так и для обороняемых поляками населенных пунктов и их населения, потому что над германским командованием больше не тяготел политически или оперативно обоснованный цейтнот. Это особенно ясно проявилось в боях за густонаселенную столицу Польши Варшаву.

Под Варшавой первые переговоры о капитуляции начались уже 17 сентября, но не были продолжены. С тех пор начались атаки на форты и укрепленные пригороды города, причем германские эскадрильи пикирующих бомбардировщиков внесли существенный вклад в достижение военной цели. Первым после сильной атаки пал форт Мокотовский, затем была взята первая линия укреплений, а за ней и вторая. После этого польский командующий предложил капитуляцию, которая была принята генералом Бласковицем 27 сентября. При данных обстоятельствах она, естественно, содержала ряд условий, однако немцы старались не ущемлять чести поверженного противника.

Днем позже капитулировала крепость Модлин, после того как в процессе тяжелых и кровопролитных боев в результате удара к Висле была нарушена связь между Модлином и Варшавой. Если в Варшаве в немецкий плен попало около 100 тысяч человек, в Модлине это число увеличилось еще на 30 тысяч.

Дольше всех – до 2 октября – держался гарнизон польской военно-морской базы Хель. С начала военного противостояния здесь на узком участке польского побережья образовался небольшой комбинированный «театр военных действий». На нем, наряду со слабыми назем-

ными войсками вермахта, важную роль играли военные моряки, пусть и действовавшие только небольшими подразделениями – все равно, учитывая ничтожное значение польских военноморских сил, их оказалось достаточно. Уже в боях на Вестерплатте в районе гавани Данцига принял участие учебный корабль «Шлезвиг-Гольштейн» (броненосец начала XX в.), имевший тяжелые орудия. Находившиеся в Гдыне и на полуострове Хель польские военные корабли многократно попадали под огонь. Наряду с этим оказалось, что применение против этих кораблей боевых самолетов является в высшей степени эффективным. Ни один из польских надводных кораблей не пережил первой недели военных действий (а 5 польских подводок прорвались – 3 в Швецию, где были интернированы, и 2 – в Англию. – *Ред.*).

6 октября в сводке германского вермахта в последний раз говорилось о военных событиях Польской кампании. Остатки польской армии (группа «Полесье. – *Ред.*), которыми командовал генерал Клееберг, сложили оружие в районе Коцка, восточнее Демблина. Черта была подведена – польской армии больше не существовало.

Но не только польская армия была уничтожена, польское государство также прекратило свое существование. Правительство Рыдз-Смиглы, которое, излишне надеясь на помощь Запада и переоценив собственные силы, привело страну к войне, покинуло Польшу и, в поисках убежища, перебралось в Румынию. Новая государственная власть в разделенной на две сферы интересов стране не возникла ни теперь, ни, что касается германской части, в ходе дальнейшей войны. Такое государственное устройство не соответствовало планам, которые Гитлер имел относительно завоеванных восточных территорий.

Это было намного хуже, чем все прочие разделы, обрушивавшиеся на польский народ в прошлые века. Была ли эта судьба окончательной, конечно, было еще неизвестно. Не Польская кампания, а большая война должна была расставить все на свои места. Мирные предложения, которые Гитлер в своей большой речи перед немецким рейхстагом обратил к западным державам, прежде всех отклонила Великобритания. Однако реалистичное рассмотрение положения не могло не показать, что политическое решение, которое было принято сообща двумя такими могущественными странами, как Германия и СССР, не может быть отменено, по крайней мере пока сохраняется эта общность.

После окончания Польской кампании один факт можно считать определенным: западным странам не удалось остановить Германию и переиграть ее как в военном, так и в политическом плане. Как бы им ни хотелось сделать ставку на внутривосточное напряжение в Германии, в первую очередь между [Национал-социалистической рабочей] партией и вермахтом, и использовать сильную антипатию немецкого народа к войне (эта антипатия к 1939 г. уже сменилась на жажду реванша за поражение в 1918 г. – *Ред.*), основанные на этом надежды оказались беспредметными. Противники явно недооценили чувство долга, присущее немецкому народу, так же как и способность Гитлера играть на этой черте народного характера.

Вермахт вступил в войну без воодушевления, владевшего вооруженными силами в августовские дни 1914 года, но со спокойной уверенностью и пониманием выполненной, начиная с 1920 года и, прежде всего, после 1935 года, тяжелой работы по воссозданию военной мощи страны. Однако никто не осмеливался и подумать, что 34-миллионной Польше, имеющей совсем не слабую армию, можно меньше чем за три недели нанести решающее поражение, а в течение месяца полностью разбить. Нерешенная проблема национальных меньшинств не могла не сказаться на надежности польской армии; также в высшем офицерском корпусе в последние годы не было недостатка и в политических противоречиях. Ввиду слабого экономического развития большей части страны и возможности того, что вся территория Польши окажется отрезанной от внешних ресурсов, нельзя было рассчитывать и на продолжительное сопротивление поляков. Однако в любом случае польский солдат показал себя мужественным и стойким воином.

В том, что события в Польской кампании развивались с такой головокружительной быстротой, немалая заслуга принадлежала германскому командованию. Хотя географические условия (охватывающее по отношению к польской территории расположение Верхней Силезии, Словакии и прежде всего Восточной Пруссии) с самого начала обеспечивали операциям вермахта стратегический перевес. Однако также требовались очень четкие указания сверху и глубокое уяснение их сути снизу, чтобы, зачастую преодолевая значительные расстояния, сосредоточить и скоординировать их удары. То, что это удалось, и мастерство, с которым осуществлялась тактика большого двойного охвата, характеризует профессионализм германского командования в этой войне.

Достижения германских войск в целом полностью оправдали ожидания. Прежде всего следует сказать, что люфтваффе, выступившие здесь впервые за свою короткую историю как самостоятельный вид вооруженных сил, были подвергнуты испытанию огнем и выдержали его. Объективным критерием подготовки младших командиров являются сравнительно невысокие потери вермахта: 10 527 убитых, 30 322 раненых и 3409 пропавших без вести. На фоне грандиозного успеха и аналогичных данных Первой мировой войны их можно считать ничтожными, хотя, конечно, гибель каждого солдата – это горе и страдания его близких. (Польские вооруженные силы в боях с немцами потеряли 66,3 тыс. убитыми, 133,7 тыс. ранеными. Около 420 тыс. попало в немецкий плен. На востоке Польши при сравнительно слабом сопротивлении Красной армии погибло около 3,5 тыс. поляков, 452,5 тыс. было пленено. – *Ред.*)

Тем не менее германское военное командование, и особенно командование сухопутных сил, было далеко от того, чтобы переоценивать свои успехи в Польше и делать на их основе неоправданные выводы. Нет никаких сомнений, что скоротечность Польской кампании, выразившаяся в обособленном сведении счетов только между Германией и Польшей, в первую очередь была следствием несомненного немецкого превосходства в численности войск и их вооружении. Германия располагала новыми современными родами и видами вооруженных сил – танковыми соединениями, моторизованной пехотой, военно-воздушными силами, – поляки же не смогли противопоставить этому ничего равноценного. То, что из польского опыта были сделаны правильные выводы при полном отказе от прежних точек зрения, было истинной заслугой германского командования. В вермахте возобладали идеи моторизации.

Однако чем более решающим было влияние нового оружия на полях сражений, тем менее заметным был тот факт, что его запасы у немцев относительно невелики. К тому же нельзя не учитывать фактор везения: сухое жаркое лето создало необычайно благоприятные условия для использования всех видов транспортных средств, а ясная безоблачная погода в эти дни содействовала успехам люфтваффе. До восстановления необходимой боеспособности было еще далеко. Имеющихся в наличии боеприпасов было достаточно на короткую кампанию, но не более того. Хотя краткость войны не слишком явно выявила недостаток подготовленных резервов, но об этом красноречиво говорил тот факт, что большинство солдат дивизий третьего оперативного эшелона сражались еще в Первой мировой войне и были весьма преклонных лет.

Хотя германская армия 1939 года во многих отношениях заслуживала похвал, однако было ясно, что за быструю победу следует благодарить не столько ее совершенство, сколько несовершенство армии противника, иначе говоря, соблюдать осторожность в преследовании более амбициозных политических целей.

Гитлер все это видел по-иному. Для него достигнутая быстрая и решающая победа стала доказательством превосходящей силы созданной лично им военной машины. Он видел в победе над поляками оправдание выбранного им пути. Поэтому еще до того, как прозвучал последний выстрел на Висле и косе Межея-Хельска (п-ов Хель), мысли Гитлера обратились к тому, что он называл расчетом с Западом за версальский диктат.

Норвежская кампания

Генерал-полковник А.Д. Эгельгаф

Военная предыстория кампании

Германское командование долго воздерживалось от военных операций на Севере – оно было слишком занято подготовкой к войне на Западе, первой целью которой был разгром Франции. Распыление сил считалось нецелесообразным. Для германского командования был желателен нейтралитет Норвегии и других Скандинавских стран. В октябре 1939 года командующий военно-морским флотом Германии гроссадмирал Редер был настолько обеспокоен часто обсуждаемыми в британской прессе планами высадки в Норвегии, что предложил Верховному главнокомандованию опередить противника – создать на норвежском побережье, например в Бергене и Тронхейме, немецкие базы. Через некоторое время, чтобы не расширять театр военных действий, была отклонена рекомендация Квислинга (1887–1945, лидер норвежских фашистов. Казнен. – *Ред.*) «взять Норвегию под защиту немцев». Только после того, как в конце января 1940 года появились убедительные доказательства того, что союзники готовятся начать здесь военные действия, было принято соответствующее решение. Эти факты были известны и в зарубежных странах, что явствует из мемуаров Черчилля и, среди прочих, из свидетельств английского военного историка Лиддела Гарта.

Военные задачи и постановка целей

Только 20 февраля 1940 года после инцидента с «Альтмарком» (16 февраля английский эсминец в территориальных водах нейтральной Норвегии захватил немецкое вспомогательное судно «Альтмарк», освободив 300 британских пленников, членов команд потопленных германским рейдером «Адмирал граф Шпее» судов. При этом было убито 7 немцев. – *Ред.*) генерал пехоты фон Фалькенхорст получил задание оккупировать Данию и Норвегию. Первые приготовления начались 27 февраля в небольшом штабе. Не всем понятное решение, приводившее к неоправданному расширению театра военных действий и отвлечению сил, требовало быстрого и четкого исполнения. Было необходимо внезапным и как можно более скорым нападением опередить союзников и для прикрытия не защищенной с севера территории Германии и обеспечения безопасности правого фланга группировки вермахта на Западе захватить Данию и Норвегию. Это главное требование влекло за собой не менее важные задачи и цели:

- а) создание более широкой базы для военно-морских и военно-воздушных сил для борьбы против Англии;
- б) обеспечение подвоза незаменимой для военной промышленности железной руды с севера Швеции через Ботнический залив (замерзающий зимой. – *Ред.*) и через Нарвик (незамерзающий порт. – *Ред.*).

Особенность операции заключалась в том, что впервые в этой войне в тесном союзе действовали все три вида вооруженных сил под одним командованием. Большая протяженность территории, непривычные климатические и географические условия могли создать непредвиденные трудности. Это опасение подтвердилось позже, причем в полной мере: снабжение войск приходилось вести по морю и воздуху, а на суше передвигаться по топким или промерзшим дорогам. Территориально отделенные друг от друга наземные войска приходилось формировать таким образом, чтобы они могли долгое время рассчитывать только на самих себя.

Поскольку Генеральный штаб начал подготовку только 27 февраля, она велась в большой спешке и носила импровизированный характер. Усложняло ситуацию требование соблюдения режима полной секретности.

Ведение кампании

В ходе выполнения задания было необходимо занять расположенную рядом Данию и в короткий срок превратить ее в базу для снабжения войск, действующих в Норвегии.

Захват Дании под командованием генерала авиации Каупиша был осуществлен в результате внезапного нападения в то же время, что и высадка первых десантов в Норвегии. Рано утром 9 апреля 1940 года – часы показывали 5.10 – высадились первые десанты.

С восточного участка, из районов портов Варнемюнде и Киль, как исходной базы против датских островов Зеландия и Лолланн, имея целью Копенгаген, тремя боевыми группами ударила усиленная 198-я дивизия. Они одновременно направились по морю в Гесер (на юге о. Лолланн) и Корсёр (на юго-западе о. Зеландия), а усиленный батальон – в Копенгаген. Немного западнее, с рубежа Фленсбург – Нибюль, усиленная 170-я пехотная дивизия выступила в направлении острова Фюн и полуострова Ютландия. Парашютисты захватывали важные мосты и другие ключевые места транспортной системы Дании, создавая небольшие плацдармы и обеспечивая рвущимся вперед боевым группам беспрепятственное продвижение к удаленным целям. Совместная боевая работа трех видов вермахта шла слаженно, продвижение к целям велось небольшими смешанными группами, причем почти безостановочно, хотя и без особой системы, в основном полагаясь на импровизацию. Уже сразу после полудня 9 апреля удалось установить связь с высадившимся в Копенгагене батальоном, а на полуострове Ютландия совершить большой рывок на север.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.